

Еще раз о сверхчастом причащении

Протоиерей Андрей Правдолюбов

Господь Иисус Христос обещал Своей Церкви, что «*врата адава не одолеют ея*» (Мф. 16, 18), но что они прекратят свои попытки одолеть ее — не обещал. Кончилось время лютых гонений и последующего несправедливого положения Церкви, но пришла новая беда, точнее не новая, но с новой силой, о чем архимандрит Иоанн (Крестьянкин) сказал так: «Сейчас новообращенные христиане хлынули в Церковь и затоптали бывших, истинных, ибо все христианские нормы растоптали по своему разумению, не церемонясь» (Из писем отца Иоанна Крестьянкина. Соловецкий календарь. 2007, с. 271). Это вытравливание проводится и слева, и справа. Здесь трудятся и кочетковцы, и борцы с ИНН, и лжестарцы, но, как мне кажется, основную опасность представляют разорители традиционной практики причащения Святых Таин.

Это разорение традиций в начале претерпел католицизм. Сокращение мессы, народный язык богослужения, отделение исповеди от причащения и т.д. — сокрушили остатки церковности у католиков (см. *Т. Горичева. Об обновленчестве, экуменизме и «политграмотности» верующих.* СПб. 1997, с. 16–19). К нам эти идеи из-за «железного занавеса» принес выдающийся экуменист митрополит Никодим (Ротов). Вот что о нем говорит митрополит Питирим (Нечаев): «При этом он нанес серьезный удар нашему традиционному благочестию. В поездках, например, он требовал, чтобы вся делегация непременно причащалась за каждой службой. А ведь ездили мы работать, работали днями и ночами, и нам было не до подготовки к причастию. Бывало, что и кофе пили за полночь» (*Русь уходящая. Рассказы владыки Питирима.* СПб., 2007, с. 284). Этими вольностями и сейчас заражены некоторые экуменисты.

Следующий шаг — знакомство с творчеством о.о. Афанасьева и Шмемана. Их идеи — священническое достоинство мирян, противопоставление страху

Божью любви Божией, отделение личного подвига спасения души от общей жизни Церкви — наиболее ярко воплотились в общинах священника Георгия Кочеткова. В них с презрением относятся к личному подвигу, заменяя его общим причащением. В них отбросили страх Божий, заменив его агрессивной любовью с назойливыми братскими поцелуями — пародией на совершенную любовь, которая изгоняет страх (см. 1 Ин. 4, 18), приглашают к священнодействию мирян, которые читают Евхаристический канон, да еще в русском переводе. Яркая картина такой «религиозности» описана в журнале «Благодатный Огонь» (2007, № 16, с. 63–65).

Беснования кочетковцев отпугивают людей хоть сколько-нибудь здравомыслящих. Этим людям приготовлено блюдо «справа». Им на вид ставят св. праведного Иоанна Кронштадтского, монахов Афона — и их практикой оправдывают насаждаемое бесчиние, разрушающее благоговение к Святым Тайнам, чего у вышеназванных отцов не было и в помине. Главным же оружием «вытапывателей справа» служит «Книга душеполезнейшая о непрестанном причащении Святых Христовых Таин» (Москва-Ахтырка, 2004). Книга изобилует — прямо-таки оглушает! — многочисленными цитатами, а вникнешь — они иногда не соответствуют делу. За примерами ходить недалеко. В первой же части для доказательства обязанности непрестанно причащаться приводится текст: *«Духа не угашайте»* (1 Фес. 5, 19). Думается, что этот текст пришел на ум автору (или авторам) только потому, что находится близко от слова *«непрестанно»*. Я имею в виду текст: *«Непрестанно молитесь»* (1 Фес. 5, 17). Непрестанно молиться очень трудно, но некоторые святые отцы достигали того, что молитва совершалась ими даже во сне. Но непрестанно причащаться физически невозможно. Так и в телесной жизни. Непрестанно дышать необходимо, иначе умрешь. Но непрестанно питаться невозможно. Поэтому странно читать заключение первой части обсуждаемой нами книги. «Нам повелевается не просто причащаться, но **причащаться непрестанно**. Итак, каждый теперь видит, что не позволяется православному нарушать это повеление, какого чина бы он ни был, но ему вменяется в долг и обязанность хранить это непременно, принимать это как **Владычние заповеди** и установления» (с. 28). Как видим, новые «Владычние заповеди» изобрела именно эта книга, которую сейчас так усердно рекламируют. Нигде в Писании нет (да и не может быть) заповеди о непрестанном причащении. Сам Господь причастил Своих учеников лишь однажды, как Он Сам сказал об этом: *«Очень желал Я есть с вами сию пасху прежде Моего страдания; Ибо сказываю вам, что уже не буду есть ее, пока она не совершится в Царствии Божием. И взяв чашу и благодарив, сказал:*

примите сию и разделите между собою; Ибо сказываю вам, что не буду пить от плода виноградного, доколе не придет Царствие Божие» (Лк. 22, 15–18). Если бы мы не были так слабы и удобопреклонны ко греху, то по сути дела достаточно было бы причаститься раз в жизни. Преп. Мария Египтяныня за весь свой 47-летний подвиг причастилась всего два раза — в начале и в конце подвига.

Мощным аргументом «правых вытаптывателей» является практика частого причащения в древней Церкви. Действительно, в Первенствующей Церкви причащались, кажется, довольно часто, но это требует дополнительного рассмотрения, так как преломление хлеба (см. Деян. 2, 46) сопровождало и Еммаусскую трапезу (см. Лк. 24, 13–35) и уж, несомненно, неевхаристическое насыщение пятью хлебами пяти тысяч (см. Лк. 9, 16). Более подробно описано частое причащение в первом послании ап. Павла к Коринфянам. Но ап. Павел увидел опасность такой практики, опасность профанации Таинства и указал последствия ее: болезни, смерть и вечное осуждение (см. 1 Кор. 11, 23–30), что и послужило основой работы Церкви по недопущению недостойных к принятию Св. Христовых Таин.

Следует заметить, что и в древности практика частого причащения была вовсе не всеобщей. Об этом свидетельствует 34-е правило 2-го канонического послания свт. Василия Великого. Вот его текст. «Жен прелюбодействовавших и исповедовавшихся в том по благочестию, или каким бы то ни было образом обличившихся, отцы наши запретили явными творити, да не подадут причины к смерти обличенных, но повелели стояти им с верными, без приобщения, доколе не исполнится время покаяния». Это означает, что большинство, имевших право причаститься, не за каждой Литургией причащались, иначе бы запрет этой женщине причащаться стал бы всем известным. О том же говорит и Златоуст, указывая, что в его время был обычай причащаться в Богоявление и Четырдесятницу.

Используют «вытаптыватели» и канонические правила. Правда, выборочно. Ведь, ни о чем так часто не говорят канонические правила, как о причащении. Я взялся было их посчитать — и сбился со счета. Сторонники сверхчастого причащения демонстрируют двойной стандарт по отношению к канонам. О большинстве молчат, а упоминают только три: 8-е и 9-е Апостольские и 2-е Антиохийского Собора — и их перетолковывают, следуя в этом «Книге душеполезнейшей» (с. 28–31), особенно 9-е, которое, по их мнению, повелевает причащаться всем стоящим литургию. Чтобы увидеть их неправоту, достаточно сравнить начала 8-го Апостольского правила и 80-го

правила VI Вселенского Собора. 8-е Апостольское правило: «Аще епископ, или пресвитер, или диакон, или кто-либо из священного списка...» и 80-е: «Аще кто, епископ, или пресвитер, или диакон, или кто-либо из сопричисленных к клиру, **или мирянин...**». В 8-м правиле слово «мирянин» (или соответствующее слово из 9-го правила «верный») **отсутствует!** Если бы к мирянам апостольские правила предъявляли такие же требования, как и к членам клира, то в 9-м правиле не было бы нужды, достаточно было бы вставить в начало 8-го правила слова: «или кто-либо от верных». А по ошибочному толкованию 9-го правила, к мирянам предъявляются даже более строгие требования, так как ничего не говорится о тех, кто представит причины, почему не причащается, как это сделано в 8-м. Так что, что бы ни говорили древние и новые толкователи, 8-е и 9-е Апостольские правила четко отделяют клириков от мирян. Если первые, присутствуя на Литургии, обязаны причаститься (8-е правило), то вторые обязаны пребывать на Литургии до конца — и только!

Рассмотрим 2-е правило Антиохийского Собора. Им отлучаются от Церкви: во-вторых «отвращающиеся от причащения святыя Евхаристии», а во-первых «не участвующие в молитве с народом». Так что здесь речь идет не о благоговении или смиренномудрии (как говорит Зонара), а о начале отъединения от общения церковного, «уклонения» от него. Подобное случилось в нашем приходе, когда его возглавлял о. Иоанн (Крестьянкин). Он заметил, что одна благочестивая девица — чтица левого клироса — пост за постом не причащается. Он спросил ее — почему? Она молчит. Тогда он сказал ей — или в ближайший пост причастись, или сойди с клироса. Оказалось, ее мама считает всех попов (в том числе и о. Иоанна) «красными». После, когда стала расти слава о. Иоанна как святого и прозорливца, она вернулась в Церковь, покаялась, причастилась, и до сих пор поет и читает на клиросе. Так что ссылка на эти правила с целью оправдать сверхчастое причащение неправомерна.

Но помимо их есть море правил, запрещающих причащаться. Представьте себе: приходит к священнику на исповедь женщина и кается в аборте. Он ее разрешает, но говорит, что она должна будет причаститься только в 2018 году, как повелевает 2-е правило 1-го канонического послания свт. Василия Великого. Но к этому причащению через 10 лет она должна все эти 10 лет готовиться. Порядок подготовки можно прочитать в 75-м правиле 3-го канонического послания свт. Василия Великого. Правда, там отлучение от причастия — на 11 лет, но нам важен самый характер подготовки. «Три лета да плачет он, стоя у дверей молитвенных домов, и прося входящих на

молитву, дабы каждый с состраданием приносил о нем усердные молитвы ко Господу. После сего на другое трехлетие да будет допущен токмо до слушания писаний, по слушании же писаний и поучений да изгоняется из Церкви, и да не удостоивается общения в молитве. Потом аще со слезами будет просити оныя и припадать ко Господу с сокрушением сердца и глубоким смирением, то дадутся ему иные три лета на припадание и, таким образом, когда покажет плоды достойные покаяния, в десятое лето да будет принят к молению с верными, без причащения: два лета стоя во время молитвы с верными, наконец, да удостоится приобщения святынь». Такая практика вышла из употребления еще до крещения Руси. А почему? Потому что правила, содержащиеся в Книге Правил, были приспособлены во всех частностях к своему времени, а нам дают только общие принципы: сравнительную тяжесть грехов и необходимость не всех сразу допускать к причащению и всем вообще внушать необходимость как можно тщательнее и усерднее готовиться к причащению Св. Таин. Нам необходимо руководствоваться практикой наших отцов и дедов, т. е. практикой Синодального периода (хотя она гораздо древнее, о чем свидетельствует ее существование у старообрядцев). Причащаться не реже раза в год и не чаще раза в месяц (чаще только при угрозе смерти). Усердно не менее недели говеть (правда, по снисхождению, современные монахи сокращают этот срок до трех дней). Вот именно с целью уничтожить практику подготовки к причащению и внедряется практика частого причащения, причем внедряется с агрессивной настойчивостью.

Чем страшно частое Причащение? Потерей благоговения и усердия в подготовке к Причащению. Говорят, как ни готовься, все равно готов не будешь. Поэтому поститься не надо, исповедоваться не надо. Это в корне неверно! Вполне понятно, что если Царь пожелает быть в доме у нищего, Он будет видеть все его убожество — и нищий это понимает. Но все же старается все что возможно сделать — и пол помыть, и пыль обтереть, и паутину смести, и скатерочку, хоть изношенную и в пятнах, но постиранную, постелить. Иначе он рискует навлечь на себя гнев Высокого Гостя.

Но говорят, как же священники? Они часто причащаются без исповеди и поста. Неужели они все гибнут? К сожалению, такой возможности исключить нельзя. Златоуст говорит: «Не мню многим иереем спасенным быти». Это опасная служба, так как «Бог наш есть огонь поядоющий» (Евр. 12, 29). Поэтому Церковь, поскольку без священников обойтись нельзя, подвергает их двойному фильтру: в диакона рукополагают «благоговейнейшаго иподиакона», а в пресвитера избирают из наличных —

«благочестивейшего диакона». Так возглашает архиерей, начиная рукоположение (я имею в виду возглашение: «Божественная благодать...»). И даже этот двойной фильтр не спасает от неблагоговейных священников. А это — страшная язва на теле Церкви.

Страшная беда — привычка к святине. Зная это, Церковь и свои молитвенные тексты старается сохранить от обыденности. Одна из любимых и повторяющихся ежедневно молитв! «Царю Небесный...» запрещается к употреблению от Пасхи до Троицы. И как же трепещет душа верующего человека, когда на стиховных стихирах всенощной дня Св. Троицы впервые запоют: «Царю Небесный...». То же относится и к пасхальным песнопениям, которые позволено петь только сорок дней в году. Правда, преп. Серафим Саровский круглый год встречал паломников словами: «Радость моя — Христос Воскресе». Правда и то, что братия Псково-Печерской обители удержали «Пасхального батюшку» о. Иоанна (Крестьянкина) от ухода в иной мир пением пасхального канона. Но что будет, если мы все будем действовать так же? Здесь уместно вспомнить слова из 17-го правила Двукратного Собора: «...редко бывающего не поставляя в закон Церкви, определяем...»

Хуже всего, что под шумок, пока идут споры, кое-где в Русской Церкви совершаются кощунственные действия. Вот пример из конца двадцатого века, о котором говорит проф. М. Дунаев.

«Вспоминаю эпизод на Международной конференции по Достоевскому, проходившей несколько лет назад в Старой Руссе. После нее состоялся банкет с традиционными возлияниями за полночь. Наутро, после плотного завтрака, мы приехали в Юрьев монастырь, когда уже шел Евхаристический канон. С нами ехал батюшка из Старой Руссы, он спросил: кто хочет причаститься? Желаящие нашлись, человек десять. Священник отвел их в сторону, каждого поочередно накрыл епитрахилью — ни на что иное времени не оставалось — и благословил на приобщение Святых Христовых Таин. Они, гордые собой, подошли к Чаше и ожидали если не восхищения своим поступком, то хотя бы умиления. Ни о каких, конечно, правилах подготовки ко Святому Причащению, ни о необходимости говения речь не шла. Я заметил тогда, что нельзя профанировать Таинство. Мне ответили, что я не люблю людей, ведь они хотят причащаться, а я закрываю им дорогу к Богу. Поэтому я — душитель свободы, мечтаю вернуть сталинские порядки» (*Проф. М. Дунаев. «Интеллигенция. Православие без берегов» // Сборник «Искушения наших дней». М., 2003, с. 300–303).*

А вот пример из наших дней, случай в Касимовском районе. На работе встретились два сослуживца, и между ними произошел такой диалог: «Поздравь меня, я сегодня причастился! — Где это ты сподобился? — В таком-то селе, на храмовом празднике. — Да ты же вчера мясо ел! — Батюшка сказал, что это не важно, что все, кто сегодня находится в церкви, должны причаститься. Я и причастился».

Теперь представим себе, что в церкви могли оказаться люди после брачной ночи, да еще и прелюбодейной — ситуация в современном мире не невозможная — и они со всеми вместе причастились. Кто ответит перед Богом за такое поругание святыни? А ведь они, как и в случае, рассказанном проф. Дунаевым, могут считать, что они совершили богоугодное дело. Подобные факты приводили в ужас о. Иоанна (Крестьянкина). Он говорит: «...Совмещение человеческого с Божественным ныне просто чудовищное. В немыслимой внутренней гармонии сочетается теперь словесное благочестие и хождение в церковь с цинизмом извращенности. Ужасающее пустословие, клевета, лукавство, ложь, фальшивость, себялюбие и незаконное сожительство уживаются в совести многих с воздыханиями, плачем и принятием Святых Таин. И мнит человек, что он с Богом. Но нет, зря мнит. Это не есть христианство, это циничное истребление его. И оно вломилось в саму Церковь, когда многие, называя себя христианами, приспособливают высокие Божии истины к своим потребностям, обволакивая истину грязью своего понимания и чувствования. Это не возрождение духа христианского в нашем мире — это его истребление. И какой ответ дадут кощунники, что смешали истину с ложью, дела диавольские делая, и ими попирая святыни Божии, к коим дерзают прикасаться! А секира смерти лежит уже при древе жизни. И Бог ждет покаяния! Бог еще ждет!» (Альбом «Свет Невечерний». Встреча со Старцем. С. 66–67).

Вспомним, что в Синодальный период была четкая норма частоты причащения: оптимальная — каждый пост, минимальная — раз в год, максимальная — раз в месяц; и устойчивая практика подготовки к причащению (о ней очень хорошо рассказано в книге свт. Феофана Затворника: «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться» (М., 1991, с. 119–156).

Тот, кто желает разрушить эти традиции, обязательно должен опорочить, насколько возможно, Синодальный период.

Это делает, например, автор статьи «Царская Трапеза» («Православная беседа», 2007, № 5, с. 6), особенно в предисловии, напечатанном красным

шрифтом. Оно начинается словами: «Могущественная десница Божия навела на Русскую Церковь (не на Россию, не на русскую элиту — а на Церковь!) огненный бич гонений в отмщение за массовое богоотступничество». То есть автор называет Церковь Синодального периода богоотступницею! Следующее обвинение Синодальной Церкви несколько мягче: «Если в Синодальный период среди людей (каких людей?) царила теплохладность к делу спасения, жестко обличаемая великими святыми: Игнатием Брянчаниновым, Феофаном Затворником, Иоанном Кронштадтским — то...». Спросим себя, кто эти обличители? Они же воспитанники «богоотступнической» Синодальной Церкви! Думаю, что в наше время невозможно найти архиерея или священника, хоть сколько-нибудь приближающегося к ним по благочестию. А ведь кроме них есть Серафим Саровский, Оптинские, Глинские и Валаамские старцы, не говоря уж о более неприметных монахах, молитвами которых — по видению преп. Серафима — как благовонным кадильным дымом была покрыта вся земля Русская. А убогие попики и учителя церковно-приходских школ, беззаветно и часто безвозмездно трудившиеся над духовным просвещением и нравственным воспитанием нашего народа? Так что нам всем — и пастырям, и пастве — надо много молиться и трудиться, чтобы хотя бы отчасти достигнуть духовного уровня Синодальной Церкви. По попущению Божию, революционная буря «разрушила до основания» старую Россию, а Церковь Русскую, на которую она обрушилась с особой яростью, сокрушить не смогла. А «великий сонм» новомучеников и исповедников Российских — откуда он взялся? Его воспитала «теплохладная» Синодальная Церковь, которую в свое время не смогли переделать на протестантский лад (т.е. погубить) ни Петр I, ни Екатерина II.

Автор статьи в «Православной беседе» в двух местах — красном предисловии (с. 6) и наверху стр.7 (2-й столбец) — пишет, что «именно практика частого приобщения дала силы телу Церкви для перенесения богоборческих гонений» (с. 7). На самом же деле все было наоборот. Насильственно отторгаемая от своих пастырей многомиллионная православная паства всеми силами держалась за традицию (что, к сожалению, помогает «сверхблагочестивым» обманщикам обольщать людей недоверием к священноначалию и вообще, к современному состоянию Церкви, чему, кстати, содействуют и «вытаптыватели традиций»). Частое причащение никогда не было хоть сколько-нибудь заметной традицией Русской Православной Церкви. А в 50-е годы XX века огромные районы страны были лишены действующих церквей и священников — и в

центральных областях в летнюю пору отпусков приходилось крестить младенцев из Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера, которых привозили родители в отпуск. Там годами не причащались, но очень многие считали себя православными людьми, что и обеспечило сегодняшнее «фантастическое возрождение». А наши «вытаптыватели» изобретают новые «сверхблагочестивые» практики и сбивают людей с толку.

Нашей главной заботой должно быть сохранение, а где-то — и восстановление норм церковной жизни, завещанных нам нашими святыми предками, чтобы современная Россия смогла восстановить свое право называться Святой Русью!